

ОБЩЕСТВО
НЕРАВНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ:
социальная структура
современной
РОССИИ

ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Н.Е. Тихонова, С.В. Мареева, В.А. Аникин,
Ю.П. Лежнина, А.В. Каравай, Е.Д. Слободенюк

ОБЩЕСТВО
НЕРАВНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ:
социальная структура
современной
РОССИИ

Под ред. Н.Е. Тихоновой

Москва
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВСЬ МИР»
2022

УДК 316.343.623
ББК 60.65(2Рос)
О 28

Рецензенты:

д.с.н. *Е.Р. Ярская-Смирнова*,
д.с.н. *Ю.В. Латов*

Книга подготовлена авторским коллективом в составе:
Н.Е. Тихонова, С.В. Мареева, В.А. Аникин, Ю.П. Лежнина,
А.В. Каравай, Е.Д. Слободенюк

О28 Общество неравных возможностей: социальная структура современной России / Н.Е. Тихонова, С.В. Мареева, В.А. Аникин, Ю.П. Лежнина, А.В. Каравай, Е.Д. Слободенюк. Под ред. Н.Е. Тихоновой. — Москва: Издательство «Весь Мир», 2022. — 424 с.

DOI 10.55604/9785777708731

ISBN 978-5-7777-0873-1

Книга посвящена анализу социальной структуры российского общества. Авторы обращаются к относительно новому для российских исследований, но имеющему фундаментальные теоретико-методологические основания и популярному за рубежом подходу к анализу стратификации на основании соотношения жизненных шансов и рисков. Предложена методология построения вертикальной модели стратификации российского общества на основании учета места человека в четырех ключевых сферах жизни — экономического положения, ситуации на работе, возможностей сохранения и наращивания своего человеческого потенциала, а также особенностей потребления и досуга. В центре внимания авторов при анализе массивов эмпирических данных двух «линеек» мониторинговых исследований (РМЭЗ НИУ ВШЭ и Мониторинга ИС ФНИСЦ РАН) специфика и динамика этой модели, особенности повседневного бытия отдельных групп в ее составе, факторы, определяющие дифференциацию их жизненных шансов и рисков, а также межгрупповая мобильность.

Для специалистов в области социологии, экономики и социальной политики, работников государственных органов, преподавателей, аспирантов и студентов, в также всех, интересующихся этой проблематикой.

УДК 316.343.623
ББК 60.65(2Рос)

Отпечатано в России

ISBN 978-5-7777-0873-1

© Коллектив авторов, 2022

© Издательство «Весь Мир», 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	9
РАЗДЕЛ 1. МОДЕЛЬ СТРАТИФИКАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА ПО ЖИЗНЕННЫМ ШАНСАМ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ И ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА	17
<i>Глава 1. Теоретико-методологические подходы к анализу</i> стратификации по жизненным шансам и рискам	17
Теория М. Вебера: классическая трактовка жизненных шансов	18
Развитие классической трактовки жизненных шансов в зарубежной социологии	26
Эмпирические исследования социальной дифференциации российского общества	36
<i>Выводы</i>	42
<i>Глава 2. Методология и методика построения модели</i> стратификации российского общества на основе оценки жизненных шансов и рисков	45
Теоретико-методологические основания модели стратификации по жизненным шансам и рискам	47
Операционализация признаков места в модели стратификации российского общества	51
Интегральная модель стратификации российского общества по жизненным шансам и рискам	59
<i>Выводы</i>	68

Глава 3. Модель стратификации российского общества по жизненным шансам и рискам: особенности, динамика, межгрупповая мобильность	72
Особенности социально-демографического и социально-экономического состава разных страт	76
Динамика модели стратификации российского общества, построенной по интегральному показателю жизненных шансов и рисков	87
Межгрупповая мобильность и проблема устойчивости выделенных страт на микроуровне	94
<i>Выводы</i>	101
Глава 4. Территориально-поселенческие особенности стратификации российского общества	105
Особенности позитивной и негативной привилегированности жителей разных типов поселений в различных сферах жизни	105
Модели стратификации по жизненным шансам и рискам в разных типах поселений	121
<i>Выводы</i>	126
Глава 5. Модель структуры российского общества на основе композиции жизненных шансов и рисков в различных сферах жизни	128
Байесовский латентный классовый анализ и результаты оценок VLCA	132
Основные эмпирические классы российского общества	141
<i>Выводы</i>	150
Глава 6. Соотношение негативной привилегированности и бедности	153
Бедность и жизнь в условиях негативной привилегированности: соотнесение феноменов	156
Социально-демографический состав нижней страты и бедных «по доходам»	160
Специфика жизненных шансов и рисков бедных и представителей нижней страты	169
<i>Выводы</i>	174

РАЗДЕЛ 2.	
ФАКТОРЫ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ МЕСТО В СОЦИАЛЬНОЙ ИЕРАРХИИ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ МАССОВЫХ СЛОЕВ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА	176
<i>Глава 7. Ресурсы и специфика повседневной жизни представителей разных стран</i>	176
Обеспеченность представителей различных стран экономическим ресурсом	178
Обеспеченность представителей различных стран другими видами ресурсов	190
<i>Выводы</i>	204
<i>Глава 8. Поведенческие стратегии россиян из разных стран по улучшению своего социально-экономического положения</i>	209
Теоретико-методологические предпосылки анализа поведенческих стратегий россиян	209
Общая распространенность различных действий по улучшению своего материального положения	213
Адаптационные стратегии россиян из разных стран	217
Динамика стратегий социально-экономической адаптации россиян в последние десятилетия	228
<i>Выводы</i>	235
<i>Глава 9. Факторы дифференциации жизненных шансов и рисков в современном российском обществе: регрессионный анализ</i>	238
Дифференциация работающих и неработающих россиян по особенностям их шансов и рисков	238
Выбор переменных и построение регрессионной модели	244
Факторы неравенства жизненных шансов и рисков	256
<i>Выводы</i>	258
<i>Глава 10. Специфика идентичностей, социального самочувствия и мировоззрения основных стран российского общества</i>	261
Особенности идентичностей россиян из разных стран	261

Социальное самочувствие, жизненные цели и социально-психологические особенности представителей массовых страт российского общества	267
Взгляды представителей разных страт на ситуацию в России	276
<i>Выводы</i>	279
Глава 11. Восприятие социальной структуры и социальных неравенств в современном российском обществе представителями разных страт	284
Острота монетарных и немонетарных неравенств в оценках россиян	287
Оценка справедливости неравенств и запрос на их сокращение в разных стратах	293
Субъективная социальная структура российского общества	303
<i>Выводы</i>	305
Глава 12. Запрос представителей разных страт к социальной политике	308
Запрос россиян к государству как отражение их социокультурных особенностей	311
Особенности социально-экономического положения представителей массовых слоев как фактор формирования их ожиданий от социальной политики	322
<i>Выводы</i>	331
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	334
ПРИЛОЖЕНИЯ	353
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	398
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	417

Глава 3. Модель стратификации российского общества по жизненным шансам и рискам: особенности, динамика, межгрупповая мобильность¹

В предыдущих главах книги мы рассмотрели теоретико-методологические подходы к анализу стратификации по жизненным возможностям и методику построения модели стратификации современного российского общества по основаниям жизненных шансов и рисков. Мы показали, как выглядит общая вертикальная модель стратификации по интегральному Индексу жизненных шансов и рисков, построенному с помощью индикаторов, учитывающих ситуацию в четырех ключевых сферах – сфере экономической безопасности, образования и здоровья, потребления и досуга, а также производственной сфере. На основании этого интегрального индекса были выделены три основные страты, составляющие массовые слои российского общества – нижняя, с доминированием негативной привилегированности, средняя, отражающая социальную норму, а также верхняя, с доминированием позитивной привилегированности.

В данной главе мы обратимся к анализу состава этих страт и соотношению позитивной и негативной привилегированности в разных сферах жизни в каждой из них. Мы также рассмотрим некоторые объективные особенности положения их представителей в тех сферах, которые не учитывались при расчете Индекса ЖШИР – в частности, их социально-психологического самочувствия. Помимо их состава, а также внутренней структуры шансов и рисков различных страт, отдельным сюжетом в рамках главы станет анализ общей динамики модели стратификации российского общества и влияния на нее экономических изменений в период 2013–2020 гг., в том числе оценка мобильности россиян в рамках выделенных страт. Такой анализ позволит пролить свет на вопросы о том, какими специфическими особенностями отличаются структурные позиции, характеризующиеся преобладанием пози-

¹ В данной главе частично использованы материалы статьи [Слободенюк, 20196].

тивной или негативной привилегированности, насколько устойчиво их соотношение в современном российском обществе, а также насколько прочным является положение тех россиян, которые их занимают.

Как и в других главах, базовой точкой нашего анализа выступает 2018 г., представляющий собой относительно стабильный год, позволяющий получить общую характеристику модели стратификации, не искаженную ситуационными изменениями, произошедшими под влиянием кризисов различной природы (хотя справочно мы также приводим данные 2020 г. там, где это возможно). В 2018 г. нижняя страта охватывала 21,9% населения, средняя – 57,6%, верхняя – 20,5%². Таким образом, средняя страта в стабильные периоды развития страны включает в себя более половины населения страты, нижняя – примерно четверть, а верхняя – его пятую часть. Однако последствием коронакризиса, как уже отмечалось в главе 2, стало «осыпание» значительной части представителей верхней страты (как будет показано далее – вообще наименее устойчивой с точки зрения ее состава) в среднюю, а также небольшое расширение нижней страты. В результате осенью 2020 г. численность трех страт составила 24,2%, 64,4% и 11,4% соответственно. Рассмотрим их ключевые характеристики.

Особенности социально-демографического и социально-экономического состава разных страт

Начнем наш анализ с оценки социально-демографического и социально-экономического состава разных страт (здесь и далее по тексту мы используем данные 2018 г. как опорные; данные 2020 г., показывающие изменения, произошедшие под влиянием пандемии, представлены в таблицах). Как видно из данных табл. 3.1, с точки зрения типов поселения зона благополучия отчетливо сдвинута в сторону крупных городов – Москвы, Санкт-Петербурга и столиц субъектов РФ. В верхней страте их жители составляли в 2018 г. почти половину, в то время как в нижней – менее трети. Зона неблагополу-

² Здесь и далее в главе мы опираемся на данные РМЭЗ НИУ ВШЭ, если не оговорено иное. При расчетах использовалось взвешивание данных. В предыдущей главе численность этих страт была приведена без перевзвешивания, как и остальные данные, поэтому численность страт несколько различается. Мы специально не стали унифицировать методики расчетов, чтобы был ясен масштаб влияния фактора перевзвешивания на полученные результаты.

Таблица 3.1

**Социально-демографический состав страт, выделенных
по показателям жизненных шансов и рисков,
РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2018 / 2020 гг., %***

Характеристики представителей разных страт	Страты в 2018 г.			Страты в 2020 г.		
	Нижняя	Средняя	Верхняя	Нижняя	Средняя	Верхняя
<i>Тип поселения</i>						
Москва, Санкт-Петербург и центры субъектов РФ	32,1	41,8	48,8	36,4	42,7	53,0
Иные города	25,4	26,2	27,6	26,1	24,9	24,0
Поселки городского типа	5,8	7,4	6,9	5,1	8,2	7,1
Села	36,7	24,6	16,7	32,4	24,2	15,9
<i>Возраст</i>						
18–30 лет	16,8	27,1	25,6	18,7	25,8	25,3
31–40 лет	12,4	16,9	25,8	14,5	18,2	25,3
41–50 лет	16,5	17,4	21,5	18,4	18,2	22,7
51–60 лет	18,8	18,6	17,8	18,4	17,5	17,5
Старше 60 лет	35,5	20,0	9,3	30,0	20,3	9,2
<i>Пол</i>						
Мужской	46,2	45,2	43,7	46,8	44,5	43,2
Женский	53,8	54,8	56,3	53,2	55,5	56,8
<i>Трудовая активность</i>						
Лица пенсионных возрастов	41,8	27,7	15,6	36,8	27,3	16,3
Среди лиц моложе пенсионных возрастов: работающие	51,9	66,9	81,4	59,4	67,2	83,4
Среди лиц моложе пенсионных возрастов: незанятые	48,1	33,1	18,6	40,6	32,8	16,6
<i>Состав незанятых в трудоспособных возрастах</i>						
Временно неработающие	55,1	29,8	18,7	48,0	21,3	13,9
Неработающие инвалиды и пенсионеры (не по возрасту)	19,1	12,7	7,8	19,0	9,9	7,3
Неработающие студенты высших и средних учебных заведений	8,5	29,5	38,0	12,7	31,0	39,1
Находящиеся в декретном отпуске / в отпуске по уходу за ребенком / занятые домашним хозяйством	15,4	20,8	30,3	17,4	22,9	31,2
Неработающие по иным причинам	1,9	7,2	5,2	2,9	14,9	8,5

Таблица 3.1 (окончание)

Характеристики представителей разных страт	Страты в 2018 г.			Страты в 2020 г.		
	Нижняя	Средняя	Верхняя	Нижняя	Средняя	Верхняя
<i>Иждивенческая нагрузка детьми</i>						
Лица, проживающие в семьях с несовершеннолетними детьми	26,7	40,7	51,0	31,6	41,3	54,2
<i>Самооценка здоровья</i>						
Оценивают здоровье как хорошее	23,8	38,2	45,7	32,1	44,7	54,4
Оценивают здоровье как плохое (только среди пенсионеров)	44,5	27,8	14,3	36,2	21,3	11,1

Примечание. *Фоном здесь и далее, если не оговорено иное, выделены максимальные показатели по строке в случаях, когда они превышали показатели по массиву в целом более, чем на величину статистической погрешности.

чия, наоборот, в большей степени представлена жителями ПГТ и сел — в нижней страте они составляли 42,5% (при 32,0% в средней и 23,6% в верхней). Схожее соотношение, несмотря на некоторые количественные сдвиги, сохранилось и в 2020 г. Таким образом, тип поселения в современной России выступает важным структурным критерием неравенства жизненных шансов и рисков. Предыдущие исследования показали, что это относится и к неравенству доходов [Модель..., 2018]. Это позволяет утверждать, что граница между городом и селом является в определенном смысле и границей между высокими шансами на благополучие и неблагополучие, к чему мы еще вернемся в следующей главе, специально посвященной анализу поселенческой специфики модели стратификации.

Что же касается гендерного состава разных страт, то нижняя страта имеет в своем составе несколько более высокую долю мужчин, чем верхняя страта и население в целом, однако эти различия невелики. В отношении возраста надо отметить гораздо более молодое «лицо» верхней страты — в ее составе выше удельный вес всех возрастных групп до 50 лет и заметно ниже доля россиян старше 60 лет (в 2018 г. — 9,3% при 20,0% в средней страте и 35,5% в нижней), что свидетельствует о роли еще одного аскриптивного фактора благополучия в контексте жизненных шансов и рисков — возраста, которая устойчива и видна также на данных 2020 г. Такого рода различия в составе выделенных страт служат иллюстрацией возрастного аспекта немонетарных неравенств.

Наконец, социально-демографические портреты выделенных страт различаются и по иждивенческой нагрузке в домохозяйствах их представителей, причем эти особенности столь же устойчивы, как и описанные выше. В нижней и верхней стратах заметно отличается доля тех, кто имеет в своих домохозяйствах различные виды нагрузки взрослыми индивидами, испытывающими трудности с работой или имеющими проблемы со здоровьем, а также неработающими пенсионерами. Эти различия оказываются кратными³. Однако традиционно выступающая одним из ключевых факторов бедности «по доходам» нагрузка несовершеннолетними детьми в данном случае работает в обратную сторону — она выше в домохозяйствах из позитивно привилегированной страты (эта ситуация также устойчива и прослеживается как на данных 2018 г., так и 2020 г.). Доля незанятых, находящихся в декретном отпуске, в отпуске по уходу за ребенком, или занятых домашним хозяйством также устойчиво выше среди представителей верхней страты. Аналогичное распределение характерно и для неработающих студентов. Частично это объясняется разным возрастным составом страт, о котором говорилось выше, в частности — повышенной долей пенсионеров в нижней страте и молодых россиян — в верхней. Однако если выделить только россиян допенсионных возрастов, то отличия в иждивенческой нагрузке детьми сохраняются, хотя и слегка сглаживаются — так, в домохозяйствах с несовершеннолетними детьми проживали в 2018 г. 40,8% представителей нижней страты этого возраста, 49,4% средней и 56,2% верхней. Таким образом, выделенные страты различаются характером иждивенческой нагрузки — нагрузка нетрудоспособными взрослыми связана с негативной привилегированностью, а нагрузка детьми более свойственна позитивно привилегированным группам (частично отражая относительно новую постановку проблемы о полноценной стабильной семье как возможности, доступной для более благополучных групп⁴).

³ Так, по данным Мониторинга ИС ФНИСЦ РАН (8-я волна, 2018 г.), которые позволяют обобщить данные об иждивенческой нагрузке в домохозяйствах респондентов, в семьях, в составе которых были безработные или испытывающие трудности с постоянной работой, проживали 14,4% представителей нижней страты, 8,5% средней и 5,6% верхней; в составе которых были инвалиды 1–2 группы или хронически больные — 10,0%, 5,0% и 0,6% соответственно; в составе которых были неработающие пенсионеры — 36,9%, 28,2% и 16,4% соответственно.

⁴ Так, например, о все более тесной связи между социально-экономическим и брачным статусом в США говорят данные исследовательского цен-

Кратко отметим, что и уровень здоровья россиян из разных страт дифференцирован: в верхней страте в 2018 г. его оценивали как хорошее почти половина ее представителей, в средней и нижней стратах – 38,2% и 23,8% соответственно. При этом у лиц моложе пенсионного возраста эти отличия были выражены слабее, а у пенсионеров – сильнее. В результате пенсионеры из разных страт принципиально отличались по доле тех, кто оценивал свое здоровье как плохое (в верхней, средней и нижней стратах таких оказалось 14,3%, 27,8% и 44,5% соответственно).

Выявленные различия в социально-демографическом составе выделенных страт являются устойчивыми во времени и практически не изменились с 2013 г. Изменения состава под влиянием коронакризиса в наибольшей степени затронули нижнюю страту, численность которой возросла с 21,9% в 2018 г. до 24,2% в 2020 г. Судя по изменению ее профиля, это произошло за счет молодых работающих россиян с детьми⁵, проживающих в городах, что привело к повышению удельного веса этих категорий в ее составе. Удельная доля пенсионеров в составе нижней страты, наоборот, снизилась, что, возможно, объясняется сравнительно высокой резистентностью пенсионеров к ударам пандемии [Черный лебедь..., 2021: с. 27] с точки зрения тех индикаторов, которые заложены в основу методики (отметим, что они не учитывают, в частности, социально-психологическое самочувствие и состояние здоровья). Следует также отметить, что в 2020 г. во всех стратах значительно приросла доля «незанятых по иным причинам» россиян, что, по всей видимости, связано с ограничениями, вводившимися в сфере занятости в связи с локдаунами. В целом же, судя по данным табл. 3.1, даже в условиях пандемии социальная структура российского общества по жизненным шансам и рискам характеризуется устойчивыми социально-демографическими различиями.

тра Pew Research Center (<https://www.pewresearch.org/fact-tank/2017/09/14/as-u-s-marriage-rate-hovers-at-50-education-gap-in-marital-status-widens>). Они же свидетельствуют о растущей важности профессионального статуса и стабильности партнера на рынке труда при принятии решения о создании семьи (<https://www.pewsocialtrends.org/2014/09/24/record-share-of-americans-have-never-married/st-2014-09-24-never-married-03/>).

⁵ Отметим, однако, что даже в условиях пандемии иждивенческая нагрузка детьми не являлась для россиян фактором риска нисходящей мобильности через призму анализа их жизненных шансов и рисков. Возможно, это частично обусловлено активизацией мер социальной политики, направленных на эту категорию граждан и укрепивших положение семей с детьми в этот непростой период [«Черный лебедь»..., 2021: 24].

Выше мы говорили о факторах, являющихся неклассовыми, не связанными с ресурсами индивида и его позицией в производственных отношениях — и, как показывают данные, портреты страт по жизненным шансам сильно дифференцированы по соответствующим факторам. Отличает их и степень включенности в трудовую активность (как видно из данных табл. 3.1, среди россиян, не достигших еще пенсионного возраста, в нижней страте в 2018 г. не работала почти половина, в средней — треть, а в верхней — только каждый пятый), и состав незанятых трудоспособных возрастов с точки зрения причин их незанятости. Если, развивая далее это направление анализа, обратиться к положению работающих представителей позитивно и негативно привилегированных групп на рынке труда, то и в этом отношении они оказываются значимо дифференцированы между собой (табл. 3.2).

Как видно из табл. 3.2, негативно привилегированная нижняя страта характеризуется не только бóльшим возрастом ее представителей, более высокой долей домохозяйств с пенсионерами в ее составе и минимальной долей работающих в ней, о чем мы уже говорили выше, но и спецификой социально-профессионального состава самих работающих. Подавляющее большинство их — это рабочие (58,2%) или рядовые работники торговли и сферы обслуживания (22,4%), позиции которых по целому ряду параметров (стабильности занятости, социальной защищенности, автономности труда и пр.) ближе к позициям рабочих, чем позициям даже полупрофессионалов и офисных клерков [Российское ..., 2015: 61–87; Тихонова, Каравай, 2017]. Верхняя страта, напротив, имеет в своем составе минимальную долю рабочих (в 2018 г. — 16,2%), а доминируют в ее составе руководители, предприниматели и профессионалы, составлявшие в 2018 г. в совокупности 41,3% всех ее членов. В средней страте доля рабочих уже более чем в два раза выше, чем в верхней страте (37,2%), а доля руководителей и специалистов с высшим образованием, наоборот, более чем вдвое меньше (18,3%).

Таким образом, неравенство положения в пространстве жизненных шансов и рисков напрямую соотносится с классовой ситуацией в ее традиционном неовеберинском понимании. Если у руководителей высшего звена и высококвалифицированных специалистов в стабильные периоды развития страны шансы попасть в страту с доминированием позитивной привилегированности были в 2018 г. в 1,5–2 раза выше средних по стране (56,7% у пер-

Таблица 3.2

**Социально-профессиональный и образовательный состав страт,
выделенных по показателям жизненных шансов и рисков,
РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2018 / 2020 гг., %**

Характеристики представителей разных страт	Страты в 2018 г.			Страты в 2020 г.		
	Нижняя	Средняя	Верхняя	Нижняя	Средняя	Верхняя
Всего работающих в составе группы	34,9	54,4	75,5	42,8	54,7	77,7
<i>Профессиональный статус работающих</i>						
Руководители разных уровней*	0,5	4,5	12,3	1,7	4,5	13,9
Профессионалы высшего уровня квалификации (инженеры, врачи, преподаватели и пр.), в т.ч. военнослужащие с высшим образованием**	5,2	13,8	29,0	5,6	18,7	30,4
Иные работники нефизического труда (техники, медсестры, воспитатели в детских садах, кладовщики, почтальоны и пр.), в т.ч. военнослужащие без высшего образования	13,6	25,9	30,5	16,6	25,8	31,5
Работники торговли и обслуживания (продавцы, кассиры, агенты и пр.)	22,4	18,5	12,0	22,7	19,5	8,5
Рабочие	58,3	37,3	16,2	53,4	31,5	15,7
<i>Уровень образования работающих</i>						
Неполное среднее	27,9	7,6	2,2	21,7	6,9	1,5
Полное общее среднее	43,5	32,0	17,2	42,4	27,9	13,5
Среднее специальное	22,9	32,8	21,9	25,4	30,6	23,2
Высшее	5,7	27,6	58,7	10,5	34,6	61,8

Примечания. *В состав руководителей, согласно используемому в РМЭЗ НИУ ВШЭ классификатору ISCO-08, попадают также предприниматели. Это, видимо, и объясняет рост доли данной группы в составе нижней страты в 2020 г.

** Военнослужащие в общей сложности составляли в использованном массиве 0,5% работающих россиян и были представлены как специалистами с высшим образованием (39,9%), так и не имеющими его (60,1%).

вых и 48,7% у вторых при 28,5% в среднем среди работающих)⁶, то у квалифицированных рабочих они вдвое меньше (15,0%),

⁶ Здесь и далее, говоря про шансы представителей соответствующих групп попасть в ту или иную страту, мы опираемся на данные об их распределении по трем стратам (иными словами, среди руководителей высшего звена и высококвалифицированных специалистов 56,5% и 47,9% принадлежали в 2018 г. к страте с доминированием позитивной привилегированности при 28,5% представителей этой страты среди работающих). Эконометрический анализ, определяющий вероятность принадлежности к той или иной страте по жизненным шансам в зависимости от различных факторов при прочих равных, представлен в главе 9.

а у неквалифицированных рабочих – втрое (7,9%). При этом риски оказаться в составе нижней страты у первых двух категорий работников практически отсутствуют (1,2% и 4,3% при 14,0% в среднем по работающим), а у двух последних – превышают средние по стране (19,4% и 39,4% соответственно). Насколько выделенные страты по жизненным шансам действительно можно характеризовать как сложившиеся классы – предмет отдельного анализа, и этого вопроса мы еще будем касаться в других главах книги. Однако, уже отталкиваясь от приведенных данных, можно констатировать, что выделенные страты способны выступить базой для формирования на их основе классов, хотя на положение их представителей продолжают оказывать сильное влияние и факторы, не связанные с классовой ситуацией (прежде всего социально-демографические). Это еще раз подчеркивает значимость соответствующих неравенств в современном российском обществе.

С социально-профессиональным портретом выделенных страт связана и их образовательная специфика – среди работающих представителей верхней страты в 2018 г. доминировали россияне с высшим образованием (58,7%), в то время как в нижней и средней стратах наиболее массовые подгруппы – россияне с образованием не выше среднего специального. Нижняя страта при этом выделяется высокой долей лиц, не имеющих даже полного среднего образования (в 2018 г. – 27,9% при 7,6% в средней), а верхняя – повышенной долей закончивших аспирантуру – таковых в ней 2,8% при 0,4% и 0,1% в средней и нижней стратах.

Если посмотреть на эту же картину с другой стороны, то уровень образования ниже полного общего среднего более чем в 40% случаев приводит к попаданию работающих россиян в состав нижней страты, полное среднее и среднее специальное образование более чем в 60% случаев ведут к попаданию в состав средней страты, а высшее образование в половине случаев обеспечивает попадание в верхнюю страту. Наличие ученой степени дополнительно повышает шансы работающих оказаться в верхней страте (65,0%). Таким образом, страты, выделенные по жизненным шансам и рискам, различаются по их составу и с точки зрения качества человеческого потенциала их представителей. Частично это может быть связано с тем, что в методологии построения интегрального Индекса ЖШИР использовались индикаторы, связанные с возможностями сохранения и наращивания своего человеческого потенциала, однако, даже если элиминировать это влияние, то полученные данные все равно говорят о том, что уровень обра-

зования продолжает играть важную дифференцирующую роль в отношении общего уровня благополучия или неблагополучия в современной России.

Влияние образовательного уровня и профессионального статуса как факторов, дифференцирующих жизненные шансы и риски населения, проявилось и в нестабильных условиях 2020 г. Как видно из табл. 3.2, соответствующие различия между стратами сохранились практически в неизменном виде. Среди произошедших изменений стоит отметить прирост доли полупрофессионалов и клерков в составе нижней страты. Согласно предшествующим исследованиям, наименьшее влияние кризис оказал на наиболее квалифицированную часть населения, представители которой занимают позиции специалистов и руководителей. Предпосылкой для их устойчивости был не столько факт наличия высшего образования, сколько обладание гибкими навыками, позволившими им быстрее адаптироваться к внешним ограничениям и изменениям в сфере занятости, в том числе – перейти на удаленную работу [Информационно-аналитический бюллетень, 2021: 18–32, 60–71]. В результате выпадения ряда менее квалифицированных представителей из верхней страты в среднюю в составе верхней страты выросла доля россиян, имеющих высшее образование (61,8% в 2020 г.), а также доля занятых нефизическим трудом. Одновременно с этим, за счет перехода части полупрофессионалов и клерков из средней страты в нижнюю, в последней соответствующие доли повысились. Однако все эти изменения не отразились на качественных различиях между стратами, определяющих специфику их портретов с точки зрения социально-профессиональных особенностей и образовательного уровня.

Говоря о составе страт, выделенных по жизненным шансам и рискам их представителей, нельзя обойти и уже упоминавшийся в предыдущей главе вопрос их положения в системе монетарных неравенств. Замеряя жизненные шансы и риски россиян в различных экономических сферах, мы не использовали напрямую показатели доходов. Посмотрим поэтому, как различаются доходные характеристики в трех выделенных стратах (табл. 3.3). Данные показывают, что и индивидуальные, и среднедушевые доходы в домохозяйствах оказываются наиболее высокими в верхней страте, ниже – в средней страте и минимальными – в нижней страте. Таким образом, немонетарные проявления шансов и рисков в различных сферах жизни (экономической безопасности, ситуации на работе, возможностей накопления человеческого потенциала,

Таблица 3.3

**Экономические характеристики страт, выделенных по показателям
жизненных шансов и рисков,
РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2018/2020 гг., руб. и %**

Характеристики представителей разных страт	Страты			В среднем по массиву
	Нижняя	Средняя	Верхняя	
<i>2018 г., показатели доходов, руб.</i>				
Средние ежемесячные подушевые доходы в д/х	15 030	19 816	30 264	20 840
Медианные ежемесячные подушевые доходы в д/х	13 800	17 300	23 000	17 309
Средние значения заработных плат у работающих	19 353	25 616	36 277	27 735
Медианные значения заработных плат у работающих	16 908	22 000	30 000	25 000
<i>2020 г., показатели доходов, руб.</i>				
Средние ежемесячные подушевые доходы в д/х	17 456	22 297	30 970	22 084
Медианные ежемесячные подушевые доходы в д/х	16 000	20 000	24 598	19 333
Средние значения заработных плат у работающих	23 964	29 766	42 700	30 804
Медианные значения заработных плат у работающих	20 000	25 000	35 000	25 000
<i>2018 г., доходные группы, %</i>				
Высокодоходные (более 2 медиан)	2,5	6,6	15,2	7,4
Среднедоходные (1,25–2 медианы)	14,1	22,7	33,7	23,0
Медианная группа (0,75–1,25 медианы)	45,4	47,2	40,1	45,4
Низкодоходные (доходы не более 0,75 медиан по стране)	38,0	23,5	11,0	24,2
<i>2020 г., доходные группы, %</i>				
Высокодоходные (более 2 медиан)	2,3	5,2	13,1	5,4
Среднедоходные (1,25–2 медианы)	14,2	25,1	35,4	23,6
Медианная группа (0,75–1,25 медианы)	44,2	47,2	40,1	45,6
Низкодоходные (доходы не более 0,75 медиан по стране)	39,3	22,5	11,4	25,4

а также досуга и потребления) достаточно тесно связаны с показателями доходов. При этом средняя страта, занимающая срединное положение по показателям доходов, оказывается несколько ближе к нижней страте. Однако даже в верхней страте каждый десятый имеет среднедушевые доходы в домохозяйстве не более 0,75 медианных доходов по стране, а в нижней страте каждый шестой имеет вполне благополучные показатели доходов. Таким образом, сводить дифференциацию представителей массовых слоев населения России в области их жизненных шансов, деприваций и рисков только к дифференциации их доходов было бы неверно.

Если обратиться не к показателям доходов как таковым, а к распределению представителей выделенных групп по относительной шкале доходов, учитывающей соотношение ежемесячных среднедушевых доходов в домохозяйстве с медианным значением этого показателя по стране в целом (в 2018 г., согласно взвешенным данным РМЭЗ НИУ ВШЭ, – 17 309 руб.), то ожидаемо верхняя страта характеризуется повышенной долей в ее составе среднедоходных и высокодоходных россиян, чьи доходы составляют более 1,25 медиан. В совокупности представители групп с таким уровнем среднедушевых доходов составляют практически половину численности верхней страты (в 2018 г. – 48,9%). В средней страте эта доля снижается до менее чем трети (29,3%), а в нижней страте составляет только 16,6%. К низкодоходной группе относятся при этом лишь 11,0% представителей верхней страты и 38,0% нижней, т.е. и для нижней страты это все же не доминирующая в ней группа.

В условиях пандемии общая конфигурация соотношения монетарного и немонетарного неравенства не претерпела качественных изменений, что видно из данных табл. 3.3. Сохранились соотношение медианных заработных плат и доходов представителей различных страт, а также представленность в их составе различных доходных групп, выделенных согласно относительному подходу (с учетом характерного для модели в целом снижения доли высокодоходных россиян с 7,4% в 2018 г. до 5,4% в 2020 г.).

Еще раз подчеркнем – хотя в целом эти данные говорят о тесной связи монетарного и немонетарного благополучия и неблагополучия в современной России, однако распределение по доходным группам, с одной стороны, и по стратам, выделенным на основе жизненных шансов и рисков их представителей, с другой, все же имеет существенные различия – в верхней страте оказывается около половины тех, кто находится в середине доходного распределения или даже в нижней его части, в то время как в нижней страте каждый шестой оказывается в благополучных по доходам группах. Эти расхождения могут быть частично связаны с различиями между индивидуальным положением (например, в ситуации на работе) и усредненными доходами по домохозяйству в целом, а также со спецификой расходов или особенностями ресурсной обеспеченности, которая оказывает влияние на возможности использования имеющихся доходов: разный ресурсный набор может приводить к тому, что при одинаковом уровне дохода тот уровень жизни, который он обеспечивает, оказывается различным для разных домохозяйств (к вопросам ресурсообеспеченности раз-

ных страт мы еще обратимся в других главах книги, и прежде всего – в главе 7).

Отдельно нужно сказать и о том, что пространство жизненных шансов и рисков не исчерпывается теми четырьмя сферами жизни, которые мы выбрали для анализа в качестве первостепенных. Они могут быть дополнены, как уже упоминалось ранее, также сферами жизни, связанными с социальными отношениями, социально-психологическим состоянием и т.д. Мы уже объясняли, почему мы сознательно отказались от учета этих сфер при расчете интегрального индикатора места индивида в системе немонетарных неравенств. Однако для понимания специфики состава выделенных групп они представляются все же очень важными, поэтому далее мы кратко охарактеризуем особенности положения выделенных групп в некоторых сферах жизни, не вошедших в расчет Индекса ЖШР, – прежде всего, в отношении различных возможностей, связанных с социальным окружением человека и производственной сферой его жизни в целом⁷.

Показательны, например, различия представителей трех выделенных страт в оценках имеющейся у них возможности жить не хуже других, традиционно занимающей одну из ключевых позиций в желаемых жизненных моделях россиян. Такую цель включают в свои планы не менее 95% представителей каждой из выделенных групп, однако свои перспективы в этом отношении они оценивают по-разному – в то время как большинство представителей верхней страты считали в 2018 г., что уже добились этой цели, около трети нижней вообще не верили в то, что им это по силам (табл. 3.4).

Таблица 3.4

Возможность жить не хуже других в разных стратах, выделенных по показателям жизненных шансов и рисков, ИС ФНИСЦ РАН, 2018 г., % от включавших эту цель в свои жизненные планы

Возможность жить не хуже других	Страты		
	Нижняя	Средняя	Верхняя
Уже добились	31,4	47,5	63,9
Пока не добились, но считают, что это по силам	37,5	39,2	31,5
Хотелось бы, но вряд ли смогут добиться этого	31,1	13,3	4,6

⁷ При анализе этого сюжета, в том числе в табл. 3.4–3.6, использовались данные 8-й волны Мониторинга ИС ФНИСЦ РАН (2018 г.).

Еще один штрих к портретам выделенных страт добавляют их возможности достижения оптимального баланса жизни и труда — проблемы, в большей степени актуализированной для постиндустриального этапа развития, но проявляющейся и в современной России. Данные показывают, что позитивная привилегированность сопряжена с высокими шансами на достижение оптимального баланса жизни и труда, в то время как негативная привилегированность связана со значимо более низкими шансами его достижения. В стабильных условиях удавалось достигать этого баланса 62,8% россиян из верхней страты (т.е. для них состояние жизненного баланса выступало нормой) при лишь 28,4% из нижней. При этом, если для первых ключевой причиной невозможности достичь искомого баланса являлось отсутствие времени (18,8%), то для нижней страты в качестве такой причины доминирующую роль играло отсутствие денег (32,0%). Это может свидетельствовать о разном понимании баланса жизни и труда в этих группах — для первых оно означает стремление к совмещению различных целей, требующих времени, в то время как для вторых — решение базовых бытовых проблем, связанных с материальным положением.

По другим возможностям, связанным со сферами жизни, ситуация в которых не учитывалась при построении интегрального Индекса жизненных шансов и рисков, картина оказывается схожей — жизненные шансы в различных неэкономических сферах жизни в большей степени свойственны представителям группы с выраженной позитивной привилегированностью, т.е. тем, кто вообще имеет более широкое пространство жизненных шансов. Так, в допандемийный период получали удовольствие и новые яркие впечатления от жизни более 60% представителей верхней страты, треть средней и только 15,0% в нижней страте. Если же говорить о социальных контактах, то возможности общения с друзьями и единомышленниками также были более доступны представителям верхней страты, и даже по возможностям проведения времени с детьми между стратами наблюдались хотя и менее выраженные, но все же заметные и статистически значимые отличия (табл. 3.5).

Однако в целом в тех аспектах, которые связаны с формированием комфортного микромира, различия между представителями групп с доминированием позитивной и негативной привилегированности оказываются заметно ниже, чем в отношении других возможностей. Так, оценивая свои шансы создать счастливую семью

Таблица 3.5

**Возможности россиян из разных страт, выделенных по показателям
жизненных шансов и рисков, в неэкономических сферах жизни,
ИС ФНИСЦ РАН, 2018 г.,**

% от имеющих соответствующие жизненные цели

Хотели этого добиться, и уже удалось:	Страты		
	Нижняя	Средняя	Верхняя
Обеспечить желаемый баланс работы, семейной жизни и личных интересов	28,4	44,3	62,8
Получать удовольствие и новые яркие впечатления от жизни	15,0	35,6	60,3
Проводить много времени со своими детьми	37,4	43,1	42,5
Регулярно встречаться и общаться с друзьями или единомышленниками	53,0	62,4	69,3

и воспитать хороших детей, а также иметь надежных друзей, подавляющее большинство россиян считают, что либо уже добились этого, либо смогут сделать это в будущем. В нижней страте доли тех, кто не верит, что сможет реализовать эти цели, традиционно выше, но и в ней они составляют безусловное меньшинство (табл. 3.6). Тем не менее эти разрывы подтверждают тот факт, что

Таблица 3.6

**Возможности в социальной сфере россиян из разных страт,
выделенных по показателям жизненных шансов и рисков,
ИС ФНИСЦ РАН, 2018 г.,**

% от включавших соответствующие цели в свои жизненные планы

В каких сферах добились желаемого	Страты		
	Нижняя	Средняя	Верхняя
<i>Создать счастливую семью</i>			
Уже добились или считают, что им это по силам	86,4	91,3	95,6
Хотелось бы, но вряд ли смогут добиться этого	13,6	8,7	4,4
<i>Воспитать хороших детей</i>			
Уже добились или считают, что им это по силам	91,4	96,1	95,7
Хотелось бы, но вряд ли смогут добиться этого	8,6	3,9	4,3
<i>Иметь надежных друзей</i>			
Уже добились или считают, что им это по силам	89,4	95,2	97,7
Хотелось бы, но вряд ли смогут добиться этого	10,6	4,8	2,3

благополучная семья и хорошие дети постепенно превращаются в возможность, доступную прежде всего для наиболее благополучных групп.

Таким образом, неравенство в возможностях, характеризующих непроизводственную (прежде всего – социальную) сферу жизни, не компенсирует неравенства жизненных шансов в экономических сферах жизни. Наоборот, позитивная привилегированность в экономической сфере оказывается сопряжена и с большими возможностями в отношении других, неэкономических сторон жизни, включая социальные контакты и общение. Это лишний раз подтверждает, что в российском обществе на основании многомерной позитивной или негативной привилегированности формируются зоны благополучия и неблагополучия, различающиеся не только экономическими, но и неэкономическими аспектами жизни находящихся в этих зонах россиян, а также сопутствующим этому социально-психологическим настрою.

Проведенный анализ позволяет понять общий «портрет» выделенных страт в рамках модели стратификации российского общества, построенной по интегральному показателю жизненных шансов и рисков, который будет дополнен и детализирован в дальнейших главах книги. Пока же обратимся к вопросам, связанным с динамикой этой модели стратификации, и попробуем ответить на вопросы о том, насколько устойчива не только сама полученная модель, но и положение членов различных страт, в том числе – в разных внешних экономических условиях.

Динамика модели стратификации российского общества, построенной по интегральному показателю жизненных шансов и рисков

Для начала посмотрим, как выглядела в периоды 2013–2018 гг. и 2018–2020 гг. (этот период в связи с его особой спецификой мы охарактеризуем отдельно) динамика позитивной и негативной привилегированности в разных сферах жизни для каждой из выделенных страт. Как видно из табл. 3.7, общее соотношение внутренней структуры жизненных шансов, деприваций и рисков в разных сферах жизни в период с 2013 по 2018 г. оставалось достаточно стабильным для представителей всех страт, хотя определенные колебания в нем все же имели место. Так, в нижней страте в этот период произошло относительное улучшение ситуации с возможностями

Таблица 3.7

Соотношение позитивной и негативной привилегированности в разных сферах жизни в странах, выделенных по показателям жизненных шансов и рисков, РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2013–2020 гг., %

Показатели привилегированности	Страны																																									
	Нижняя						Средняя						Верхняя																													
	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2020	2018	2017	2016	2015	2014	2020	2018	2017	2016	2015	2014	2020	2018	2017	2016	2015	2014	2020	2018	2017	2016	2015	2014												
	Экономические условия жизни																																									
Положительные	2,2	2,3	1,7	2,4	2,1	1,7	2,5	14,4	13,4	13,4	15,1	13,4	12,3	15,1	44,5	45,6	43,1	46,9	45,9	42,2	49,4	46,8	46,5	48,6	47,0	49,1	48,2	50,5	57,9	59,4	58,3	58,1	61,3	60,3	64,1	46,7	46,6	48,4	44,8	46,4	51,5	45,8
Нулевые	51,0	51,2	49,7	50,6	48,8	50,1	47,0	27,7	27,2	28,3	26,8	25,3	27,4	20,8	8,8	7,8	8,5	8,3	7,7	6,3	4,8	34,1	34,5	37,6	41,0	37,6	35,5	39,1	17,5	18,1	23,1	24,6	21,4	18,5	18,9	5,0	5,4	8,5	8,2	7,8	6,4	4,7
Отрицательные	1,7	1,7	1,7	0,8	1,0	1,6	1,4	12,7	12,5	10,8	8,6	8,4	12,4	11,8	43,5	45,8	41,2	36,5	36,7	44,5	49,0	64,2	63,8	60,7	58,2	61,4	62,9	59,5	69,8	69,4	66,1	66,8	70,2	69,1	69,3	51,5	48,8	50,3	55,3	55,5	49,1	46,3
Положительные	3,7	5,0	4,9	7,2	6,4	7,2	5,8	40,4	50,0	52,0	52,3	52,1	54,0	49,6	90,3	93,2	95,2	95,1	94,6	92,8	93,5	34,1	34,5	37,6	41,0	37,6	35,5	39,1	17,5	18,1	23,1	24,6	21,4	18,5	18,9	5,0	5,4	8,5	8,2	7,8	6,4	4,7
Нулевые	12,8	17,2	16,8	16,2	18,6	18,7	21,2	32,6	30,2	28,3	28,3	28,6	29,6	33,1	8,9	6,3	4,4	4,7	4,8	6,4	6,1	34,1	34,5	37,6	41,0	37,6	35,5	39,1	17,5	18,1	23,1	24,6	21,4	18,5	18,9	5,0	5,4	8,5	8,2	7,8	6,4	4,7
Отрицательные	83,5	77,8	78,3	76,6	75,0	74,1	73,0	27,0	19,8	19,7	19,4	19,3	16,4	17,3	0,8	0,5	0,4	0,2	0,6	0,8	0,4	34,1	34,5	37,6	41,0	37,6	35,5	39,1	17,5	18,1	23,1	24,6	21,4	18,5	18,9	5,0	5,4	8,5	8,2	7,8	6,4	4,7
	Возможности сохранения и наращивания человеческого потенциала																																									
Положительные	4,9	2,4	3,5	3,8	4,5	3,8	3,9	39,5	27,1	36,1	35,2	34,1	33,6	28,7	85,2	75,0	80,6	79,2	80,0	80,9	60,6	29,3	23,5	27,5	28,3	25,9	27,5	26,8	44,1	47,7	44,5	44,4	45,7	46,0	49,2	13,9	21,6	17,6	18,6	17,9	17,7	34,2
Нулевые	65,8	74,1	69,0	67,9	69,6	68,7	69,3	16,4	25,2	19,4	20,4	20,2	20,4	22,1	0,9	3,4	1,8	2,2	2,1	1,4	5,2	29,3	23,5	27,5	28,3	25,9	27,5	26,8	44,1	47,7	44,5	44,4	45,7	46,0	49,2	13,9	21,6	17,6	18,6	17,9	17,7	34,2
Отрицательные	29,3	23,5	27,5	28,3	25,9	27,5	26,8	44,1	47,7	44,5	44,4	45,7	46,0	49,2	13,9	21,6	17,6	18,6	17,9	17,7	34,2	29,3	23,5	27,5	28,3	25,9	27,5	26,8	44,1	47,7	44,5	44,4	45,7	46,0	49,2	13,9	21,6	17,6	18,6	17,9	17,7	34,2

Примечание. * Жирным шрифтом выделены ячейки с наиболее распространенными значениями для представителей определенной страны в каждом из опросов, а фоном – те ячейки, где концентрируются 50% и более ответов.

сохранения и наращивания человеческого потенциала (снизилась доля характеризующихся негативной привилегированностью по данной шкале), однако это не изменило качественно для ее представителей положение дел в данной сфере: она осталась наиболее проблемной для нижней страты, наравне со сферой потребления и досуга.

В полярной, верхней страте, изменения были минимальны, и динамика показателей оставалась в пределах статистической погрешности. Если говорить о положении представителей данной страты, то наиболее типичной их особенностью является, скорее, отсутствие в последние годы четко выраженной позитивной динамики во всех рассматриваемых сферах жизни. Впрочем, частично это объясняется тем, что в области сохранения и наращивания человеческого потенциала, в которой для остальных россиян произошли заметные улучшения, у представителей верхней страты ситуация изначально характеризовалась безусловным доминированием позитивной привилегированности.

Что касается средней страты, то изменения в ней коснулись в основном именно возможностей сохранения и наращивания человеческого потенциала. Ситуация в этой области у ее представителей, как и в нижней страте, характеризовалась явным улучшением, причем за счет как сокращения в ней негативной привилегированности, так и за счет роста позитивной. Однако если в нижней страте это не привело к утрате негативной привилегированностью в данной сфере доминирующих позиций, то в средней страте уже с 2014–2015 гг. большинство стало характеризоваться наличием дополнительных к типичным для массовых слоев населения шансов и возможностей. Эти изменения были связаны с ростом компьютерной грамотности и расширением доступа к цифровым технологиями у россиян в целом и в каждой страте в отдельности.

Таким образом, к 2018 г. сложилась следующая картина: нижняя страта устойчиво отличалась наибольшей распространенностью негативной привилегированности по своим возможностям сохранения и наращивания своего человеческого потенциала, а также в сфере потребления и досуга — факт, уже неоднократно упоминавшийся нами и ранее. В то же время работающие представители данной страты, как, впрочем, и двух других, в массе своей находились у себя на работе в типичном для среднего россиянина положении, хотя доля испытывающих в данной области разного рода нетипичные депривации и риски на фоне других страт в ней все же была очень велика (устойчиво превышала треть). Ситуа-

ция в средней страте выглядела иначе. Хотя во всех рассматриваемых сферах жизни положение ее представителей было лучше, чем у россиян из нижней страты, но экономические условия жизни у них все же чаще характеризовались негативной привилегированностью, чем позитивной (при том что в целом доминировали нулевые показатели). Аналогично выглядела у них и ситуация на работе. Однако в сфере потребления и досуга позитивная привилегированность встречалась в этой страте уже чаще негативной. Наиболее благополучно выглядела при этом ситуация в сфере накопления человеческого потенциала, где позитивная привилегированность доминировала. Наконец, для верхней страты было характерно доминирование позитивной привилегированности в двух из четырех сфер жизни (возможностях сохранения и наращивания своего человеческого потенциала и особенностях потребления и досуга). В двух других сферах доминировали типичные для среднего россиянина нулевые показатели, но доли характеризующихся позитивной привилегированностью при этом превышали доли характеризующихся негативной привилегированностью.

Последствия пандемии коронавируса внесли определенные корректировки в тренды 2013–2018 гг. и сложившуюся общую картину по различным сферам жизни. Во-первых, во всех стратах в 2018–2020 гг. произошло улучшение в домене экономических условий жизни. Это следует трактовать с большой осторожностью, поскольку эти улучшения были вызваны не изменением ситуации (наоборот — исследования зафиксировали, что население было вынуждено расходовать свои сбережения и наращивать кредитную нагрузку [Информационно-аналитический бюллетень, 2021: 18–32]), а процессами нисходящей мобильности более благополучного населения, и, возможно, переоценками «нормы» в этом отношении. У представителей нижней страты ухудшилось положение на работе, в то время как у представителей верхней страты, потерявшей практически половину своего состава, ситуация с работой, наоборот, улучшилась. Представители средней и нижней страт столкнулись с трудностями в сфере накопления и наращивания человеческого капитала. Наиболее же значимое изменение заключалось в сужении возможностей потребления и досуга у представителей верхней страты, отражающем вынужденное изменение типичного для них образа жизни под влиянием введенных в условиях пандемии ограничений. В результате положение верхней страты в отношении доступных для ее представителей досуговых и отпускных возможностей стало заметно ближе к остальному

населению. Все остальные изменения оказались сравнительно небольшими и не оказали значимого влияния на динамику показателей и общее соотношение позитивной и негативной привилегированности у представителей трех страт в разных сферах жизни.

Можно резюмировать, что ситуация в различных сферах жизни вносит разный вклад в интегральное положение выделенных страт в пространстве шансов и рисков. Нижняя страта качественно отличается от двух других доминированием негативных показателей по трем шкалам из четырех: шкале возможностей сохранения и наращивания человеческого потенциала, шкале потребления и досуга и шкале экономических условий жизни. В целом хуже положение представителей нижней страты и в плане их ситуации на работе, хотя шансы и риски в этой сфере выглядят у них по отношению к положению среднего россиянина все же заметно лучше, чем в других сферах их жизни. Средняя страта соответствует типичному стандарту жизненных шансов и рисков рядовых россиян во всех сферах жизни, хотя в отношении возможностей сохранения и наращивания человеческого потенциала ситуация в последние годы в ней изменилась к лучшему. Изменение ситуации в этой сфере у средней страты демонстрирует, как быстро может меняться «нормальное» для массовых слоев в целом соотношение жизненных шансов, деприваций и рисков в какой-то из сфер жизни: если в 2013 г. позитивная привилегированность в данной области характеризовала лишь 40,4% представителей средней страты, то к 2018 г. доля членов этой страты с превалярованием возможностей над депривациями и рисками в данной сфере стала составлять уже 54,0%, причем основной скачок пришелся на один год (в 2014 г. соответствующее значение достигло 50,0%)⁸. Наконец, ситуация в верхней страте выглядит очень противоречиво, что говорит о максимальной неконсистентности статусных позиций ее представителей в разных статусных иерархиях на фоне большей консистентности статусов представителей двух других страт. Если в отношении возможностей сохранения и наращивания человеческого потенциала и особенностей потребления и досуга она резко выделяется превалярованием у ее представителей дополнительных жизненных шансов, то в плане ситуации на работе для нее характерно скорее типичное для среднего россиянина соотношение

⁸ Фактически за период наблюдений мы столкнулись в этой области с изменением самой «нормы», что в будущем потребует корректировки операционализации соответствующих показателей ИЖШП.

шансов и рисков (впрочем, при многократном превышении среди остальных доли имеющих в данной области дополнительные возможности над долей имеющих повышенные риски и депривации). Неоднозначной выглядит ситуация у представителей верхней страты в сфере экономических условий жизни, для которой показатели за разные годы, хотя и тяготеют скорее к типичным для массовых слоев населения, но все же выглядят заметно лучше, чем в средней страте за счет высокой доли характеризующихся позитивной привилегированностью в данной сфере.

От динамики ситуации разных страт в отдельных сферах жизни перейдем теперь к рассмотрению динамики модели стратификации, построенной на соотношении жизненных шансов и рисков. Панельная часть данных РМЭЗ НИУ ВШЭ дает возможность проследить не только общие изменения конфигурации этой модели, но и характер перемещений россиян между позициями, характеризующимися доминированием негативной или позитивной привилегированности, оценив степень устойчивости состава разных страт.

Для анализа этой динамики нами были выбраны несколько временных точек, отражающих разные социально-экономические условия жизни страны: 2013 г. — благоприятное экономическое положение (предкризисный период); 2015 г. — «пик» экономического кризиса 2014–2016 гг., 2017 г. — начало постепенного посткризисного восстановления, а также 2018 г., ставший в силу наличия двух взаимодополняющих массивов данных основой нашего анализа. Выбранные временные точки позволили учесть разные внешние условия жизни россиян (за исключением выделяющегося с точки зрения его причин и специфики последствий периода коронакризиса, который применительно к проблематике мобильности мы решили поэтому не рассматривать), а также получить полностью сопоставимые данные в силу идентичности формулировок вопросов и их закрытий, использовавшихся при построении индекса жизненных шансов и рисков⁹.

Выделение панели — совокупности россиян, присутствовавших в выборках исследования на протяжении всех выбранных для анализа лет, производилось на репрезентативных базах дан-

⁹ В отличие, например, от 2008 г., данные по которому выступили бы хорошей точкой для сравнения, характеризуют преддверие общемирового экономического кризиса. Однако используемые при построении Индекса ЖШИР вопросы частично отличались в этом году модификациями закрытий от более поздних волн РМЭЗ НИУ ВШЭ, а частично вообще отсутствовали в анкетах.

ных; в панель были включены только совершеннолетние россияне. В сформированную панельную выборку вошли 6 169 россиян. Для проверки ее качества было проведено сравнение конфигураций моделей стратификации по жизненным шансам и рискам на данных репрезентативных и панельной выборок за каждый год в отдельности (Приложения 3.1–3.4). Это сравнение показало, что, несмотря на значительную потерю объема выборки, модели стратификации российского общества, построенные на репрезентативных и панельной выборках, отличаются мало. Кроме того, сопоставление панельной и репрезентативной выборок по базовым срезам (типам поселений, полу и возрасту) показало, что отличия между ними были очень невелики и преимущественно заключались в несколько большем охвате женщин, лиц пенсионных возрастов и жителей сельской местности (см. Приложение 3.5). Эти результаты выступили аргументом в пользу достаточно высокого качества полученной панельной выборки и возможности ее использования для дальнейшего анализа с учетом ее сдвига в сторону в среднем менее благополучных групп.

Проведенное сравнение позволило также оценить, как менялась на протяжении пяти лет общая модель стратификации по жизненным шансам и рискам, т.е. какие изменения происходили в соотношении в ней структурных позиций, характеризующихся позитивной и негативной привилегированностью. На протяжении всего рассматриваемого временного промежутка медианное значение Индекса ЖШР оставалось равным 0 баллов, однако часть позиций, находившихся в начале рассматриваемого периода ниже нулевого значения, позже подтянулись вверх и сконцентрировались около медианы. Это означает, что сам по себе «типичный» стандарт жизни, скрытый за медианным показателем интегрального индекса, качественным образом не изменился, но изменилось распределение массовых слоев населения вокруг него. Причем из приведенных выше данных понятно, что произошло это за счет все большего погружения россиян из средней и нижней страт в «мир цифры», а не изменений к лучшему в других сферах их жизни.

Результатом такой динамики стала общая положительная динамика среднего показателя Индекса жизненных шансов и рисков, который в 2013 г. составлял 0,25, в 2015 г. — 0,12, в 2017 г. — 0,21, в 2018 г. — 0,32 баллов¹⁰. Произошедшие изменения привели к постепенному сокращению масштабов нижней страты (33,2%,

¹⁰ Данные приведены по репрезентативным взвешенным выборкам.

29,6%, 25,8%, 21,9% в 2013, 2015, 2017, 2018 гг. соответственно) при одновременном расширении средней страты (50,0%, 53,3%, 55,4%, 57,6%); численность верхней страты также приросла, но в меньшей степени (16,8%, 17,1%, 18,8%, 20,5%). Таким образом, за последние пять лет произошли небольшие структурные изменения в самой модели стратификации, построенной по интегральному Индексу жизненных шансов и рисков, хотя в целом эта модель остается довольно устойчивой.

На фоне устойчивости конфигурации самой модели стратификации важно понимать, насколько устойчиво место в ней россиян, занимающих в ней разные позиции, т.е. каков характер социальной мобильности в рамках социальной структуры российского общества, построенной по критериям шансов и рисков.

Межгрупповая мобильность и проблема устойчивости выделенных страт на микроуровне

Начнем рассмотрение проблемы социальной мобильности между стратами, выделенными по жизненным шансам и рискам их представителей, с того, что проанализируем, насколько устойчивы позиции россиян из нашей панельной выборки на шкале интегрального Индекса ЖШИР, варьирующегося от –12 до +12 баллов. Данные показывают, что приблизительно четверть россиян сохраняли свою позицию на этой шкале между двумя любыми годами. При этом более половины населения в эти периоды перемещались лишь на 1 или 2 статусные позиции вверх или вниз (рис. 3.1), т.е. качество их жизни также изменялось сравнительно мало. Более

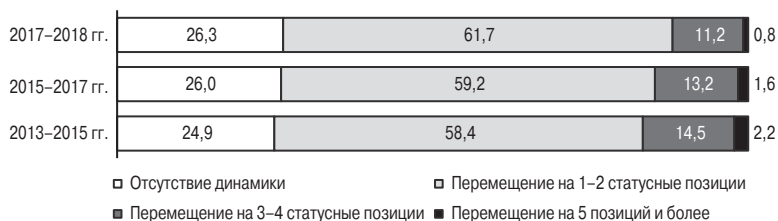

Рисунок 3.1

Дистанция перемещений россиян (как вверх, так и вниз) по интегральной шкале Индекса жизненных шансов и рисков на различных временных интервалах, РМЭЗ НИУ ВШЭ, панельные данные 2013–2018 гг., %

значимые сдвиги, характеризующие существенное улучшение или ухудшение жизни россиян, происходят довольно редко — менее чем в 20% случаев, причем «шаги» длиной в 5 баллов по ИЖШИР и более встречаются чрезвычайно редко и по мере стабилизации экономической ситуации их вероятность сокращается.

Более того — далеко не все случаи мобильности, даже довольно значительной, скрывают за собой смену страты. Так, в промежутке между 2013 г. и 2015 г. 67,5% россиян вне зависимости от наличия или отсутствия у них вышеуказанной динамики остались в своей страте, у 14,0% динамика привела к переходу в более высокую страту, а у оставшихся 18,5%, соответственно, к переходу в более низкую страту (в 2015–2017 гг. соответствующие показатели составили 69,1%, 13,6% и 17,3%, а в 2017–2018 гг. — 71,8%, 12,7% и 15,5%). Таким образом, на временных интервалах длиной в два года более двух третей россиян остаются в своей страте. При этом превалирование масштабов восходящей мобильности над нисходящей в этот период объясняется изменением самой модели стратификации за счет «подтягивания» в ней части нижних структурных позиций вверх, к середине.

Аналогичные тенденции наблюдаются и на временном интервале в 5 лет. Если не принимать в расчет возможную разнонаправленность мобильности россиян в отдельные периоды между 2013 г. и 2018 г., и просто сопоставить их положение в этих временных точках, то 63,9% их в 2018 г. остались в той же страте, в которой находились и в 2013 г., 23,6% перешли в более высокую страту, а 12,5% — в более низкую. Таким образом, даже в сравнительно краткие периоды (1–2 года) мобильность, хотя бы небольшая, характеризовала положение большинства россиян, но на длительном временном интервале их было уже меньшинство.

Кроме того, даже изменения в соотношении жизненных шансов и рисков у тех россиян, у кого они все же произошли, в столь длительном периоде зачастую носят разнонаправленный характер — иными словами, за приведенными выше цифрами числа перешедших в другую страту далеко не всегда скрывается последовательное линейное движение в сторону улучшения или ухудшения положения конкретного человека. Для учета разнонаправленных изменений внутри рассматриваемого временного промежутка мы разделили все случаи мобильности на четыре категории:

- отсутствие мобильности (индивид пребывал в одной и той же страте во всех временных точках наблюдения);

- восходящая мобильность (индивид хотя бы на одном из временных интервалов поднялся из своей страты в более высокую, и ни разу не спустился в более низкую);
- нисходящая мобильность (индивид хотя бы на одном из временных интервалов спустился из своей страты в более низкую и ни разу не поднимался в более высокую);
- разнонаправленная мобильность (индивид за период наблюдения и поднимался, и опускался в более высокую и более низкую страты).

Подобная группировка учитывает направления мобильности на каждом из трех анализируемых временных интервалов. Использование подобной классификации демонстрирует, что случаи устойчивой восходящей мобильности охватывали к началу 2019 г. всего 10,5% россиян, устойчивой нисходящей мобильности — 20,1%, а отсутствия мобильности — 41,7%. Остальные 27,6% характеризовались разнонаправленной мобильностью. Таким образом, вероятность восходящей мобильности по соотношению жизненных шансов и рисков была у россиян в рассматриваемый период не только невелика, но и вдвое уступала перспективе нисходящей мобильности. При этом каждый четвертый россиянин находился в «плавающем», неустойчивом состоянии, которое способно оказывать даже более сильное фрустрирующее воздействие, чем просто нисходящая мобильность.

Чаще всего восходящая мобильность, если говорить о россиянах в целом, представлена однократным поднятием в соседнюю страту, а нисходящая — однократным спуском в соседнюю страту с последующим пребыванием в них до конца периода наблюдения (табл. 3.8, светло-серые ячейки). Разнонаправленная мобильность относительно часто приводит к тому, что индивид в итоге все равно возвращается в свою изначальную страту, т.е. она отражает временные, ситуационные изменения в положении россиян (табл. 3.8, темно-серая ячейка). При этом доминирует с показателем в 41,8% отсутствие всякой мобильности.

В то же время, если говорить не о россиянах в целом, а о представителях отдельных страт, то типичный для них вектор мобильности имеет свою специфику. Наиболее характерной особенностью нижней страты является чрезвычайная устойчивость ее состава — 76,1% ее представителей в 2018 г. принадлежали к ней и в 2013 г., причем большинство ее вообще не выходило за это время из ее состава. Верхняя же страта, наоборот, характеризуется очень

Таблица 3.8

Характер мобильности россиян между стратами, выделенными по показателям жизненных шансов и рисков, РМЭЗ НИУ ВШЭ, за период с 2013 г. по 2018 г., %

Вектор мобильности на протяжении 5 лет	Доля россиян с соответствующим вектором мобильности (в стратах по состоянию на 2018 г.)
<i>Разнонаправленная мобильность, в т.ч.:</i>	
Разнонаправленная мобильность с итоговым понижением на 2 страты	0,1
Разнонаправленная мобильность с итоговым понижением на 1 страту	2,0
Разнонаправленная мобильность с итоговым повышением на 1 страту	3,4
Разнонаправленная мобильность с итоговым повышением на 2 страты	0,1
Разнонаправленная мобильность без изменения принадлежности к определенной страте в конце периода по отношению к его началу	22,0
<i>Нисходящая мобильность, в т.ч.:</i>	
Нисходящая мобильность с итоговым понижением на 1 страту	10,3
Нисходящая мобильность с итоговым понижением на 2 страты	0,2
<i>Восходящая мобильность, в т.ч.:</i>	
Восходящая мобильность с итоговым повышением на 1 страту	19,7
Восходящая мобильность с итоговым повышением на 2 страты	0,5
Отсутствие мобильности в течение всего периода наблюдений	41,7

высокой обновляемостью и неустойчивостью ее состава — лишь 47,4% в ней по итогам пяти лет наблюдений относились к верхней страте и в 2013 г., в том числе каждый пятый остался в ней после разнонаправленной мобильности в разные годы. При этом более половины ее в 2018 г. составляли люди, отсутствовавшие в ее составе в 2013 г. (табл. 3.9).

Наиболее типичными представителями своих страт являются россияне, характеризующиеся отсутствием мобильности в течение всего периода наблюдений. В нижней страте осенью 2018 г. они составляли 56,4%, в средней страте — 39,2%, а в верхней — 27,9%. Это еще раз подтверждает, что в наименьшей степени происходит обновление состава именно нижней страты российского общества, т.е. для нее в наибольшей степени работает эффект «липкого пола» [OECD, 2018]. Причем те ее представители, которые покинули ее состав, как уже отмечалось выше, сделали это в основном за счет более активного включения нижних слоев населения в «мир цифры» и роста за счет этого численности средней страты, а не за счет роста их экономически обусловленных возможностей.

Таблица 3.9

**Воспроизводство состава страт, выделенных по показателям
жизненных шансов и рисков, в разные периоды,
РМЭЗ НИУ ВШЭ, 2013–2018 гг., %**

Воспроизводство состава страт	Страты		
	Нижняя	Средняя	Верхняя
Доля группы, состоявшая в 2015 г. из представителей той же страты в 2013 г.	74,6	67,1	54,4
Доля группы, состоявшая в 2017 г. из представителей той же страты в 2015 г.	74,6	70,2	56,0
Доля группы, состоявшая в 2018 г. из представителей той же страты в 2017 г.	74,6	74,3	59,5
Доля группы, состоявшая в 2018 г. из представителей той же страты в 2013 г.	76,1	63,1	47,4

Высокая нестабильность состава верхней страты, наоборот, говорит о крайне низком «запасе прочности» у ее представителей, несмотря на их кажущееся благополучие, а также о том, что удержаться в составе благополучных слоев населения сколько-нибудь продолжительный период сейчас крайне непросто. Эти особенности прослеживаются и на данных, демонстрирующих, в какой степени состав группы воспроизводится за счет ее же собственных представителей предшествующего периода. Хотя на временном интервале в два года средняя и нижняя страта воспроизводят свой состав приблизительно на три четверти, верхняя страта даже на столь коротких временных интервалах обновляла свой состав более чем наполовину (табл. 3.9). В этом смысле можно говорить о том, что самовоспроизводство более характерно для нижней части распределения по жизненным шансам и рискам, чем для верхней, и в российском обществе в большей мере представлен феномен «липкого пола», чем «липкого потолка». Кроме того, такая неустойчивость статусных позиций представителей верхней страты на микроуровне тесно коррелирует с характерной именно для ее членов неконсистентностью их статусных позиций по различным шкалам.

Тем не менее, несмотря на высокую (особенно в верхней страте) динамичность состава разных страт на микроуровне, все три страты имеют в своем составе устойчивые ядра, включающие наиболее типичных их представителей, и периферию этих ядер, представители которых находятся на границах между стратами, то поднимаясь выше этих границ, то опускаясь обратно. В этой связи

большой интерес с точки зрения лучшего понимания сложившейся в России модели стратификации представляют именно ядра страт, отражающие особенности групп с устойчивым доминированием негативной или позитивной привилегированности и с устойчивым положением в рамках «нормы». Посмотрим, отличаются ли портреты этих ядер от общих характеристик страт, приведенных в начале главы (табл. 3.1 и 3.2)¹¹. Это важно, поскольку ядра реальных, а не статистических социальных групп должны более ярко демонстрировать наиболее характерные для них особенности.

Первым их отличием выступают характеристики занятости. Среди устойчиво позитивно привилегированных россиян в 2018 г. было трудоустроено подавляющее большинство (79,5%), в то время как в ядре средней страты – менее половины (45,2%), а среди устойчиво неблагополучных – вообще менее четверти (21,4%), т.е. различия между ядрами страт в этом отношении действительно больше, чем у страт в целом. Незанятость остальных их членов во многом объясняется различным охватом пенсионеров устойчивыми ядрами страт (в ядре верхней страты пенсионеров всего 25,3%, в то время как в средней и нижней 51,2% и 64,3% соответственно). Впрочем, даже при рассмотрении только россиян, не достигших пенсионного возраста, разница в трудовой активности представителей ядер разных страт продолжает оставаться разительной: 89,6%, в верхней страте, 74,1% в средней и 48,6% в нижней. При этом причины их незанятости кроются не в необходимости ухаживать за детьми: среди устойчиво благополучных, не имеющих работы, более 59,9% проживают в семьях, в составе которых есть несовершеннолетние дети, а у устойчиво неблагополучных таких лишь 32,8%.

Помимо уровня незанятости, ядра страт сильнее самих страт дифференцированы и по качеству занимаемых их представителями рабочих мест. В ядре нижней страты 23,7% трудоустроенных не оформлены на своих рабочих местах официально (в ядре средней страты таких всего 4,7%, а в ядре верхней страты их практически нет – 1,6%). Для сравнения отметим, что среди «периферийных» представителей нижней страты, характеризующихся разнонаправленной мобильностью, аналогичная доля была в рассматриваемый период практически вдвое меньше (13,3%), чем в ее ядре. Таким образом, готовность работать на рабочих местах, не обеспечиваю-

¹¹ Более подробное описание ядер разных страт представлено в [Слободенюк, 2019б].

щих даже формальных предпосылок для социальной защищенности, значительно повышает и риски оказаться в зоне устойчивого доминирования негативной привилегированности.

Отчасти это связано с тем, что ядра трех выделенных страт сильно отличаются по своему профессиональному составу: ядро верхней страты объединяет в своих рядах преимущественно россиян, занятых высококвалифицированным интеллектуальным трудом, а нижней — низкоквалифицированным физическим. В зонах устойчивого благополучия и неблагополучия эти различия также проявляются еще сильнее, чем в верхней и нижней стратах в целом: среди первых доля высококвалифицированных специалистов (включая военнослужащих с высшим образованием) составляет 48,8% (при 40,7% в верхней страте в целом), а доля рабочих — 10,7% (при 16,1% в верхней страте в целом), а среди вторых велика доля рабочих (67,5%, при 58,1% в нижней страте в целом), причем разница эта обеспечивается за счет неквалифицированных рабочих. Отчасти это может быть связано с проблемами локальных рынков труда. Так, выше уже неоднократно отмечалось, что зона позитивной привилегированности смещена в крупные города, а негативной — в сельскую местность, и эта тенденция также наиболее ярко проявляется в ядрах выделенных страт: устойчивое благополучие чаще встречается в крупных городах (58,2%), а устойчивое неблагополучие — в селах (49,0%).

Большое влияние на шансы попасть в ядра разных страт оказывает и разница в уровне образования: среди устойчиво благополучных три четверти имеют высшее образование (75,8%), в то время как в ядре средней страты таких лишь чуть более четверти (28,2%), а среди устойчиво неблагополучных имеющие высшее образование практически отсутствуют. Зато среди последних практически каждый второй (44,7%) имеет неполное среднее образование, в то время как в ядрах средней и верхней страт люди с таким уровнем образования практически не встречаются (6,8% и 1,0%). Сравнение с данными из табл. 3.2 показывает, что различия по образованию в ядрах страт тоже проявляются еще ярче, чем в стратах в целом.

Наконец, различия в уровне здоровья у представителей ядер разных страт также оказываются выше, чем в стратах в целом. Особенно ярко эта тенденция проявляется у пенсионеров — так, оценивают свое здоровье как плохое 4,0%, 29,7% и 52,3% пенсионеров, входящих в ядра верхней, средней и нижней страт соответственно. Таким образом, среди устойчиво благополучных концентрируются

в основном наиболее здоровые пенсионеры, а в устойчивом неблагополучии, наоборот, оказываются пенсионеры, отягощенные всевозможными хроническими заболеваниями.

Таким образом, портреты ядер разных страт, приведенные выше, говорят о том, что все характерные особенности трех выделенных страт просматриваются в их ядрах ярче, чем в стратах в целом. Это подтверждает оправданность характеристики их именно как ядер соответствующих социальных групп. Свидетельствуют приведенные выше данные и о том, что для представителей ядер разных страт характерны качественно отличающиеся позиции на рынке труда, связанные с особенностями их человеческого капитала. Ядро верхней страты составляют наиболее образованные россияне, характеризующиеся высоким уровнем трудовой активности и занятые высококвалифицированным трудом. Для ядра нижней страты, наоборот, типично пребывание в нем наименее образованных россиян, занятых в сфере физического (в значительной степени неквалифицированного) труда с высокими рисками прекаризации. В средней страте пребывают среднеобразованные россияне, нередко тоже занятые физическим трудом, но трудоустроенные на рабочих местах более высокого качества. Однако помимо этих факторов на формирование устойчивых зон благополучия и неблагополучия по жизненным шансам и рискам влияют и неклассовые факторы, задающие внешние ограничения: тип поселения, уровень здоровья и другие, сравнительному анализу роли которых посвящена глава 9 данной книги.

Выводы

Модель стратификации российского общества по жизненным шансам и рискам уже сформирована и достаточно устойчива: даже в условиях различных этапов экономического цикла, характеризовавших в последние годы жизнь страны, она практически не менялась. Более того, несмотря на кризис 2014–2016 гг., последующий период «негативной стабилизации», а также пандемию коронавируса, конфигурация этой модели за последние годы изменилась мало. В основном эти изменения проявились в «подтягивании» некоторой части нижних позиций к их середине в период с 2013 по 2018 г. и в «осыпании» части россиян из верхней страты в среднюю в условиях коронакризиса. В совокупности эти процессы привели к значительному расширению средней страты. В течение

2013–2018 гг. ее расширение происходило при этом прежде всего за счет распространения цифровой грамотности в нижних слоях российского общества. Все большее «погружение в цифру», конечно, дает дополнительные возможности и снижает риски эксклюзии в условиях бурной цифровизации всех сторон жизни российского общества, однако мало сказывается на остальных, не менее важных сторонах жизни россиян. В 2020 г. происходящие изменения в составе и положении представителей разных страт были обусловлены не только изменениями на рынке труда и в экономическом положении россиян, но и ограничениями их досуговых и отпускных возможностей из-за антиковидных ограничений. Мало изменился за 2015–2020 гг. и общий стандарт жизни россиян – единственным исключением стало включение в этот стандарт доступа к цифровым технологиям, включая распространение навыков их использования.

К 2018 г. нижняя страта отличалась прежде всего ограниченностью своих возможностей в сохранении и наращивании своего человеческого потенциала, а также в потреблении и досуге. Средняя страта во всех сферах жизни характеризовалась типичными для страны в целом показателями. Наконец, для верхней страты была характерна позитивная привилегированность прежде всего в тех же сферах, что и негативная привилегированность у нижней, т.е. в сферах сохранения и наращивания своего человеческого потенциала, а также в особенностях потребления и досуга. Указанные различия сохранились и в условиях 2020 г., хотя и с заметными потерями из-за пандемии части тех преимуществ, которыми характеризовалось положение представителей верхней страты в сфере досуга и потребления.

В целом, сложившаяся картина демонстрирует большую неконсистентность статусов и тесно с ними связанную неустойчивость положения представителей верхней страты по сравнению с двумя другими. Сравнение внутренней структуры жизненных шансов и рисков показывает, что поляризация представителей разных страт в наибольшей степени выражена в отношении возможностей сохранения и наращивания человеческого потенциала. И хотя динамика, наблюдавшаяся в разных сферах в последние годы, в наибольшей степени изменила ситуацию именно в этой сфере (положение дел в ней улучшилось как для нижней, так и для средней страты), все же различия именно в данной области являются и до сих пор наиболее яркими отличиями жизни представителей разных страт.

Монетарные аспекты благополучия оказываются в современном российском обществе тесно связаны с немонетарными его аспектами, но все же не определяют их полностью — один и тот же уровень дохода может сопровождаться разным качеством жизни в плане соотношения доступных жизненных шансов и возможных рисков. Более того, позитивная и негативная привилегированность в экономическом положении усугубляются различиями в неэкономических сферах жизни, что еще раз подчеркивает многомерность выявленных зон благополучия и неблагополучия по жизненным шансам и рискам в рамках вертикально иерархизированной структуры российского общества.

Что касается мобильности россиян между позициями с разным соотношением позитивной и негативной привилегированности, то ее масштабы, на первый взгляд, кажутся достаточно высокими. Однако эта мобильность чаще связана с кратковременными и незначительными колебаниями возможностей в какой-то из сфер жизни, не приводящими к качественным изменениям в положении человека, чем со сменой принадлежности к той или иной страте.

Устойчивое неравенство, проявляющееся, в том числе, в доле стабильно сохраняющих свою принадлежность к различающимся их местом в социальной иерархии стратам, выше в нижней части распределения по рискам и шансам, чем в верхней. Иными словами, в наименьшей степени обновляется состав наиболее благополучной страты, в то время как верхняя страта характеризуется высокой нестабильностью своего состава, демонстрируя неустойчивость своего относительного благополучия. В целом в российском обществе в отношении характера мобильности по жизненным шансам и рискам в большей мере представлен феномен «липкого пола», чем «липкого потолка».

Выделенные страты значительно отличаются по своему составу. Особенно ярко эти различия прослеживаются между их ядрами — наиболее устойчивыми подгруппами каждой из страт, из года в год сохраняющих свою принадлежность к ним. Специфика ядер разных страт, как и страт в целом, заключается, прежде всего, в особенностях положения их представителей на рынке труда — зона негативной привилегированности представлена в основном занятыми физическим трудом с низким уровнем образования, в то время как в зоне позитивной привилегированности оказываются чаще всего высококвалифицированные работники нефизического труда. Однако важную дифференцирующую роль продолжают

играть и другие особенности россиян — тип поселения, где они проживают, возраст, уровень здоровья, демографическая нагрузка (причем прежде всего не детьми, а взрослыми) и т.д. Это демонстрирует сложность системы различных типов неравенств, формирующих сегодня вероятности для нахождения на позитивно и негативно привилегированных позициях в российском обществе.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

ТИХОНОВА Наталья Евгеньевна — доктор социологических наук, профессор, профессор-исследователь Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», главный научный сотрудник Института социальной политики НИУ ВШЭ, главный научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН. Основные научные интересы: социальная стратификация российского общества, социально-экономические последствия реформ для российского общества в целом и различных групп населения в частности, социокультурная модернизация России. Автор свыше 400 научных работ. Основные труды: «Факторы социальной стратификации в условиях перехода к рыночной экономике» (1999), «Феномен городской бедности в современной России» (2003), “Poverty and Social Exclusion in the New Russia” (London, 2004, 2017, в соавторстве), «Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа» (2007), «Средний класс: теория и реальность» (2009, в соавторстве), «Социальная структура России: теории и реальность» (2014), «Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения» (2018, в соавторстве). Ответственный редактор и автор глав в подготовленных по итогам крупных общероссийских исследований монографиях «Бедность и бедные в современной России» (2014), «Российское общество и вызовы времени» (2015, 2016, 2017), «Средний класс в современной России. Опыт многолетних исследований» (2016), «Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян: опыт социологического анализа» (2018), «Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность пятнадцать лет спустя» (2018) и др. Автор глав в монографиях по результатам международных проектов (“Handbook on Social Stratification in the BRIC Countries. Change and Perspective” (2013), “The Middle Income Group in China and Russia” (2021), “Life Expectations of the People” (2021)). Руководитель и участник десятков крупных исследовательских проектов, в том числе международных, по различной тематике.

АНИКИН Василий Александрович — кандидат экономических наук, Ph.D. (Эссекс, социология), доцент Национального исследовательского

университета «Высшая школа экономики», старший научный сотрудник Института социальной политики НИУ ВШЭ, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН. Основные научные интересы: проблемы неравенства и социально-экономического развития, вопросы социальной стратификации новейшей России, профессиональная структура и человеческий капитал. Автор более 90 научных работ, в том числе статей в ведущих российских и зарубежных научных журналах и глав в монографиях по результатам общероссийских исследований («Российское общество и вызовы времени» (2015), «Средний класс в современной России. Опыт многолетних исследований» (2016), «Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность пятнадцать лет спустя» (2018), «Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения» (2018) и др.). Участник крупных исследовательских проектов по проблемам динамики социальной структуры российского общества, социальной политики, вопросам модернизации российской экономики и общества.

КАРАВАЙ Анастасия Вадимовна – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Центра стратификационных исследований Института социальной политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН. Основные научные интересы: социальная структура российского общества, человеческий капитал профессиональных групп, социально-экономическая адаптация населения. Автор более 40 научных работ, в том числе статей в ведущих российских научных журналах и глав в коллективных монографиях по результатам общероссийских и международных исследований («Российское общество и вызовы времени» (2016, 2017), «Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян: опыт социологического анализа» (2018), «Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность пятнадцать лет спустя» (2018), «Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения» (2018), “The Middle Income Group in China and Russia” (2021) и др.). Участник крупных исследовательских проектов, в том числе международных, по тематике социальной стратификации российского общества.

ЛЕЖНИНА Юлия Павловна – кандидат социологических наук, руководитель Департамента социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», старший научный сотрудник Института социальной политики НИУ ВШЭ, старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН. Основные научные интересы: социальная политика, социальная стратификация российского общества, социально-демографические процессы, социокуль-

турная динамика. Автор более 60 научных работ, в том числе статей в ведущих российских и зарубежных научных журналах; глав в вышедших за рубежом монографиях по результатам международных проектов (“Handbook of the Sociology of Youth in BRICS Countries” (2018), “Life Expectations of the People: A Comparative Sociological Analysis of China and Russia” (2021), “The Middle Income Group in China and Russia” (2021) и др.) и глав в коллективных монографиях по результатам общероссийских исследований («Российское общество и вызовы времени» (2015, 2016, 2017), «Средний класс в современной России. Опыт многолетних исследований» (2016), «Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения» (2018) и др.). Участник крупных исследовательских проектов, в том числе международных, по проблематике социальной структуры российского общества, социальной политики, культурной динамики и процессов модернизации.

МАРЕЕВА Светлана Владимировна – кандидат социологических наук, зав. Центром стратификационных исследований Института социальной политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН. Основные научные интересы: социальное неравенство, социальная структура и социальная стратификация, средний класс, социокультурная динамика. Автор более 100 научных работ, в том числе монографии «Средний класс: теория и реальность» (2009, в соавторстве); глав в вышедших за рубежом монографиях по результатам международных проектов (“Handbook of the Sociology of Youth in BRICS Countries” (2018), “The Middle Income Group in China and Russia» (2021), “Life Expectations of the People. A Comparative Sociological Analysis of China and Russia” (2021), “The Routledge Handbook of Russian Politics and Society” (2022) и др.); глав в ряде российских монографий по результатам общероссийских исследований («Российское общество и вызовы времени» (2015, 2016, 2017), «Средний класс в современной России. Опыт многолетних исследований» (2016), «Двадцать пять лет социальных трансформаций в оценках и суждениях россиян: опыт социологического анализа» (2018), «Столицы и регионы в современной России: мифы и реальность пятнадцать лет спустя» (2018), «Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения» (2018) и др.), а также статей в ведущих российских и зарубежных научных журналах. Руководитель и участник крупных исследовательских проектов, в том числе международных, по проблематике социальной структуры российского общества, социальной политики, культурной динамики и человеческого потенциала.

СЛОБОДЕНЮК Екатерина Дмитриевна — кандидат социологических наук, доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», старший научный сотрудник Института социальной политики НИУ ВШЭ, старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН. Основные научные интересы: социальная структура и социальная стратификация, социальное неблагополучие, малообеспеченность, бедность, социальное неравенство. Автор более 30 научных работ, в том числе статей в ведущих научных журналах и глав в коллективных монографиях («Российское общество и вызовы времени» (2016), «Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения» (2018) и др.). Участник проектов по проблематике социальной структуры российского общества.

ОБЩЕСТВО НЕРАВНЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ: социальная структура современной России

Под редакцией *Н.Е. Тихоновой*

Редактор: *В.А. Демьянович*

Корректор: *Е.Г. Волкова*

Художник: *Е.А. Ильин*

Верстка *С.А. Голодко*

Подписано в печать04.2022

Формат 60х90/16. Печать офсетная. Усл. печ. л.

Тираж ... экз.

ООО Издательство «Весь Мир»
109544, г. Москва, ул. Б. Андроньевская, д. 5, стр. 1
<http://www.vesmirbooks.ru>
E-mail: info@vesmirbooks.ru
Тел. 8 (495) 632-47-04/06